

08.97.

Когда-то аспирант Николаевского кораблестроительного института Валерий Меладзе намеревался осчастливить науку разрешением проблем глубокой очистки воды, но вместо этого осчастливил отечественную эстраду. Поговаривают, что Валера уже подустал от сцены и собирается опять взяться за диссертацию. Однако слухи напрасны. «Наука ради науки не для меня. Пока не пойму, что мои исследования кому-то нужны, в науку не вернусь», — заявил Валера «Совеседнику». Судя по тому, что наука как была в загоне, так там и осталась, петь Валере придется еще очень долго.

Правда, теперь начали говорить о том, что Меладзе теряет голос, но сам он считает это полной туфтой... О чем и заявил при встрече нашему корреспонденту Ольге ЧЕРНЕНКО.

— Может, спеть чего-нибудь вам для подтверждения?.. Самым лучшим опровержением этих слухов будет наш новый диск, который выйдет в начале декабря. А вообще-то время от времени голос может сесть у любого артиста. Когда перерабатываешь или выступаешь, например, в ледовом Дворце спорта. Организаторы концертов пытаются заработать как можно больше денег, а аппаратура очень часто не соответствует необходимым стандартам: чтобы артист не надорвался, не орал, а нормально себя слышал. Самое худшее для меня, когда приходится выступать в неотапливаемых помещениях.

— Где ты часто простужаешься?

— Нет, я достаточно закаленный человек. Но когда поешь, связки разгоряченные, а ты вдыхаешь холодный воздух. Естественно, потом неделю нетрудоспособен.

— Все-таки обидно пасть жертвой слухов недоброжелателей...

— Не обидно, потому что нет никаких оснований про меня такое говорить. Другое дело, я прекрасно понимаю: если потеряю голос, то вообще не нужен буду никому: ни зрителям, ни тем нашим воротилам шоу-бизнеса, которые зарабатывают деньги на артистах. Это на самом деле обидно. Не существует у нас никакой стабильности. Если человек вдруг уходит, теряет свои позиции, то все — он теряет почву под ногами.

— На тебе зарабатывали деньги?

— Естественно, и на мне зарабатывали, и я зарабатывал — это абсолютно нормально.

— А как тебе удалось совершить марш-бросок из аспирантов провинциального технического вуза в артисты?

— Это другим кажется, что был марш-бросок. На самом деле все совершалось постепенно. К этому скачку мы с братом готовились лет семь.

— После чего из тебя начали делать звезду?

— Время от времени ко мне приходило это чувство. Но я достаточно взрослый человек, самостоятельный. Если и делали из меня звезду, то я сам в этом принимал участие.

— И ты никогда не чувствовал себя марионеткой?

— Никогда. Однозначно.

— У тебя с братом ситуация на грани уникальной: он пишет песни, ты исполняешь. Как вы доросли до такого?

— Родители у нас инженеры. И семья, в общем, достаточно благополучная. Семья, в которой бюджет был всегда впритык...

— Какой-то подозрительный вид благополучия...

— Благополучной она была по своим нормальным, здоровым отношениям между членами. Кстати, у нас еще есть сестра Лиана. Она на три года младше меня, а Костя на два года старше. Родители настаивали на том, чтобы мы с Костей закончили музыкальную школу. Школу-то мы закончили (я по классу фортепиано, Костя — скрипки и фортепиано), но это было настолько мучительно, без всякого удовольствия.

— И никаких проблесков будущей гениальности никем замечено не было?

— Мы с братом довольно плохо учились, но дома любили играть в четыре руки. Переигрвали, например, всего Поля Мориа, все популярные тогда мелодии.

— Костя был твоим соперником?

— Да никогда в жизни. Меня ломало то, что он, на положении старшего брата, пытался учить меня уму-разуму... В каких-то отдельных ситуациях наезжал на меня, говоря, что вот здесь надо сделать так, а здесь — эдак. Зато я точно помню, чем это заканчивалось — мы дрались.

— До крови?

— Ну, один раз я даже бросил в Костю нож и поранил ему ногу. (Смеется.) А в другой раз закрыл дверь и держал ее ногой. Костя захватил по стеклу и порезал себе всю руку. И у меня лицо все было исцарапано.

— Это когда вы такие крутые разборки устраивали?

— Наверно, до десятого класса. И сестра, хотя была маленькая, тоже нам ни в чем не уступала. (Смеется.) Это был прикол!

— И сейчас, бывает, «разбираетесь»?

— Сейчас горой стоим один за другого, настолько мы друг друга любим. Мне вообще ужасно не хватает Кости, когда он сидит дома и работает, а я разъезжаю туда-сюда.

— Такое впечатление, что Костя Меладзе, как настоящий пещерный человек, сидит в своей норе и творит, а ты выходишь на охоту и приносишь добычу...

— У нас с Костей нет никаких разногласий, особенно из-за денег. Я стараюсь большую часть отдать ему, а он старается львиную долю подсунуть мне. У нас по этому поводу даже споры бывают. Но если ухажу, я просто оставляю ему что-то. И он не обижается, потому что поступает так же.

— А как вы славу делите? Косте не обидно быть в тени, когда ты после концертов утопаешь в цветах?

— Нам не надо ничего делить. Тут мне как-то предлагали заключить контракт с братом, я сразу отказался. Контракт с собственным братом — чушь какая-то!

— Деньги, конечно, вещь деликатная, но на почве любви тоже немало копий ломают. Не случалось ли вам влюбиться в одну и ту же девушку?

— Никогда в жизни. Я не знал, что происходит в душе брата, а он не знал, что происходит в моей, так как на эти темы мы с Костей не говорили никогда.

— Это только в прошлом или сейчас тоже?

— До сих пор так. Я не знаю, что у него в личной жизни, он не знает, что у меня.

— То есть он только пишет песни о любви, а ты только поешь о любви, а сама любовная тема в вашем общении закрыта?

— Абсолютно.

— Валера, в твоей семье детей готовили к чему-то звездному, высокому?

— Нет, о чем речь? Родители только говорили, что в этой жизни надо все-таки чего-то добиться. Нельзя быть обыкновенным, серым существом.

— Период, когда ты учился на инженера, а потом пылился в аспирантских лабораториях, был периодом серости?

— Нет. Я всегда был активен в жизни, куда бы ни попадал. Даже когда уезжал на практику в какой-нибудь далекий городок, тут же обрстал друзьями, знакомствами. К тому же я тогда влюблялся очень серьезно, а это уже довольно яркие пятна в жизни.

— Твои увлечения носили характер трагической любви?

— Когда я влюблен, никогда не вижу в этом никакой трагедии. Но ловеласом я никогда не был, это точно. И любовь чаще случалась безответная. В подростковом возрасте, правда, мечтал, чтобы все девочки в меня повлюблились. Но я почему-то всегда нравился только тем девочкам, которые не нравились мне. Потом все это прошло. Хотя само состояние влюбленности я очень люблю. Без него мне просто плохо.

— А от любви безответной разве хорошо?

— Самое главное, что все в жизни приобретает другой смысл. Каждое твоё движение, каждое достижение становится еще одним шагом, чтобы приблизиться к Ней, понаравиться Ей еще больше. Это всегда очень стимулировало меня, помогло чего-то добиться.

— Ты прямо рыпай несчастной любви получаешься.

— Если бы любовь была счастли-

вая, я бы не знал, что с ней делать. — Валера, а когда ты решил создать семью?

— На самом деле, даже когда она уже была, еще долго я не понимал, что я — женатый человек. Только после того, как у нас родился ребенок, почувствовал, что женат, несу какую-то ответственность.

— Когда ты делал своей жене предложение, ты ни о чем серьезном не думал, ты это хочешь сказать?

— Просто мы оба закончили институт и надо было как-то определиться — то ли жениться, то ли расставаться. Ну, мы решили пожениться. Такого пафосного предложения, сватовства — этого не было. И я не думаю, что мы что-то от этого потеряли. Я был в то время безынициативным парнем. Помню, когда вышел из загса, чувствовал себя человеком, который попал.

— Сколько тебе было?

— По-моему, 22 года. Нет, 23, даже 24. У меня на даты отвратительная память. Одно могу точно сказать — это было во-семь с половиной лет назад. Значит, если мне сегодня 32 года, женился в 24. Сейчас у меня обыкновенная, нормальная семья, которая совершенно не зависит от того, чем занимается отец, то есть я. Отношения у нас были бы точно такими же, если бы я был инженером. То, как отно-

сятся ко мне моя дочь и жена, абсолютно не изменилось с тех времен, когда я был ученым. Все у нас достаточно стабильно. Только я никогда не смешиваю работу и семью. Это совершенно разные вещи.

— Ты успеваешь с дочкой в зоопарк сходить или, скажем, сказки ей на ночь почитать?

— Конечно. Бывает, и книжки на ночь читаю. Правда, последний раз это было год назад — теперь Инга сама умеет читать.

— Не так давно у нас поняли, что на

хорошей внешности тоже можно зарабатывать. А и сейчас можно сказать, что ребенком ты был пухленьким.

— Точно. Но на всех вечеринках я слышу: буквально за каждым столиком обсуждают, как похудеть, как сбросить вес. Значит, не один я хочу выглядеть идеально.

фото Якова Титова

Валерий Меладзе: я всегда нравился тем девочкам, которые не нравились мне